

У председателя отделения Всероссийского театрального общества Л. С. Державина (в центре) всегда есть о чем сказать молодым актерам Александру Новоженину, Наталье Загуменной, Ирине Андриановой, Валерию Петриеву и Геннадию Родянову.

Фото А. Галагозы.

Завтра — Международный день театра

Завтра, 27 марта, все театры мира будут отмечать Международный день театра, демонстрируя этим солидарность друг с другом в своем стремлении утвердить высокие идеи гуманизма, дружбы между народами мира.

В дни, предшествующие праздничному, актеры и режиссеры Ульяновского и Мелекесского театров выступили перед спектаклями, на предприятиях, в народных театрах, по радио и телевидению и рассказали о значении Международного дня театра, о своей профессии, несущей людям радость.

В нашей газете со своими раздумьями об актерском труде, о своих тревогах и радостях выступают сегодня председатель Ульяновского отделения Всероссийского театрального общества, заслуженный артист РСФСР Леонид Сергеевич Державин.

сценария всегда обедняет, обескровливает, схематизирует характеры — тут никакие обращения к первоисточнику не спасут. Ну, ладно, — ужасный перевод (не странно ли, переводил режиссер, специалист действительного слова). Но эта выспренная, с ложной многозначительностью, неживая речь! Как прорваться сквозь частую словесную загогулину к главному, что есть в сцене, в монологе?

Ну, еще раз пройдемся по предлагаемым обстоятельствам. Парень раскис, рухнул. Понятно: первая любовь, волшебное головокружение, царение и вдруг — бух! — повестка, завтра явиться на призывной пункт. Значит, задача дяди Ваню, моя задача, собрать его, мобилизовать, уравновесить. Сцена — об этом. Ну, вот, ты начал: «А может, зайти к военному, сказать, что ты сирота, что учиться хочешь?..» Первый шар, проверка — мужчина ли ты? Провокация на взрыв. И Темо взрывается, отталкивает уникающий мужчину компромисс, активизируется, это — туда, но еще не равновесие, не твердость духа. Надо еще работать, и вот ты

людей ты не торговал, не повторял его собутыльникам у стойки в забегаловке. Это — дорого. Но если это — для Темо зарядка примером мужества твоего друга, оставшегося человеком и в предсмертный час, ушедшего из жизни красиво, если это рассказ о Бухути, то почему так много, подробно ты говоришь о себе, о своем страхе, радости, что остался жив? Как соразмерить Бухути и тебя, чтобы он был главным?

И где граница, когда человек, рассказывая о страшном событии, которое и сегодня саднит сердце, вдруг отключается от собеседника и погружается, целиком, проживая, пусть вторично, третично, но проживая то, что было, — смерть друга?

Ах, старик, почему ты такой трудный? Почему тебе так тяжело живется — в каждой работе, в каждой роли — пусть самой маленькой? Обязательно ты должен загнать себя — сомнениями, примерками, ваянками, попытками поверить невиденному, боязливо наиграть, солгать, отчаянием: «Не получается, завалил роль» — до изнеможения, «до посинения», как говорит мой друг шофер.

Ну, мучай себя на здоровье, пусть, но ты же и ближним становишься в тягость, и режиссера доводишь «до посинения», и он начинает верить, что ты ничего пугного не сделаешь, если вообще не завалишь роль напроцужь..

Да, как подумаешь, славная работка у режиссера. Ты маешься один — за себя. А у него таких неуравновешенных индивидуумов в этом спектакле дюжина, а в другом — весь состав. И каждый пятый почему-то сегодня не в форме. У того ребенок заболел. Эта выбита из тарелки — в рецензии не заметили, тот гриппует и все-таки пришел, спасибо; у этого зуб болит, тот не в духе — роль не та. И всех их настрой, собери в «форму», ободрь, поддержи, приструнь.

А сколько нервов надо ухлопать, чтобы собрать воедино, в спектакль нашу замечательную технику — свет, звук, декорации, костюмы и главный компонент — мятущийся, то хнычущий, то беспричинно ликующий, вечно бурлящий, хрупкий и двуязычный, выносящий театр сквозь все будни и невзгоды актерский цех?

Не потому ли, по свидетельству наших друзей-медиков, режиссеры и актеры стоят в первой шеренге самых «инфарктных» профессий?..

...За окном ночь, рубиновые огни телевышки едва проглядываются в тумане. Город спит..

И все-таки прекрасно, что есть на земле праздники. И что в ряду с Днем строителя, шахтера, учителя, врача, сельского труженика, космонавта, — всех не перечтешь, — есть и наш День, День всех, кто создает негаснущее чудо — театр. И День тех, кто любит театр — в будни и праздники, в любую погоду.

С праздником, труженики театра! С праздником, друзья театра!

Л. ДЕРЖАВИН,
заслуженный артист
РСФСР.

МОНОЛОГ ВНЕ СПЕКТАКЛЯ

Итак, пришел День театра.. Половина третьего, за окном — темень, туман, спящий город.. Поспать необходимо: в 10-30 — трастовая репетиция «Океана», часов до 15-ти, потом текущие дела ВТО, проверить, что «горит», что надо сделать неотложно, связаться с куйбышевцами — почему задерживают подтверждение готовности принять актеров нашего театра на 3-4-5 апреля? Предполагается коллективный выезд на спектакли Куйбышевского театра. Не повезло — в эти дни не идут ни «Ричард», ни «Гамлет», ни «Идиот». Но и «Зори здесь тихие» — тоже интереснейший материал, и «Валентина и Валентину» посмотреть не бесполезно — в чем спорим, в чем сходимся.

В любом случае — «подзарядка», «подкормка» актерской души. Кстати, необходимо переспросить мелекесцев, когда они смогут выехать на «подзарядку».

..Всего по магазинам. (Бедные, милые мои домашние женщины, только этим и может пригодиться дому, семье ваш дед, непутевый ващ общественник). Как всегда — сахар, масло, сыр, хлеб, рогалик Катеньке. Быстро проглотить обед, принять все справедливые упрёки: «Дома совсем не бываешь», «Лица на тебе нет». Хорошо бы еще подежать, подремать минут двадцать, газеты уже не просмотрить.

Вечером «Океан» по телевидению. Хорошо, есть большое «окно» между выходами, можно в семидесятый, а может быть, в двести семидесятый раз, не спеша, не на бегу, не урывками вглядываться в эту океанную сцену..

На днях премьеры — Н. Думбадзе «Не беспокойся, мама». Ну, хорошо, ин-

пускаешь свой монолог. Ах, монолог! Еще на первых репетициях ты начал нервничать из-за «загогулин». Спрашивал: «А это надо? Непредложно?» И режиссер отвечал: «Надо», — объяснял. Умом ты понимал, но сердце противилось, язык деревенел, слова застревали. Позже, убедившись в том, что литературные украшения только засоряют, замутняют суть, ты начал хитрить: осторожно, по фразе отбрасывать. Сначала, репетируя, ты отбросил два-три слова. Режиссер в зале сидел тихо, не остановил репетицию. Не обратил внимания, пропустил? Отвлекся в это время? Или допустил — понял тебя, увидел, что так яснее?

На следующей репетиции, в другом месте ты выбросил целую фразу, и режиссер опять промолчал. Нет, он ничего не пропускает: ведь предыдущий кусочек и последующую сцену на корректуре, после репетиции, он отметил, уточнил. Значит, он принимает твой поиск? И ты, уверяясь, стал расчищать «заросли» смелее, от репетиции к репетиции, одно убирая, другие фразы «переводя» с книжного языка на разговорный. Режиссер молчал.

И ты возликовал и начал славить режиссера: «Ай, умница — согласен, поддерживает. А как хорошо он решил картину вечеринки!».

А если вдруг он не согласен, а просто смотрит, в какие дебри заведут тебя твои пробы? Чтобы однажды ахнуть тебя: «Восстановить все, как было!» — тогда что?

Как ты его начинаешь — монолог, — расчетливо, сознательно заготовив, или ты поискал, нашел сейчас аргумент и вот пускаешь его в ход? Ведь этим вспоминаем о расстреле близких